

**ПРИНЦИП СОЗДАНИЯ ХАРАКТЕРОВ В ПРОЗЕ В. ТЕНДРЯКОВА,
В. МОЖАЕВА И В. КРУПИНА 60-70-Х ГОДОВ**

Яна Ахова

В тематической волне прозы о русской деревне недавно промльх 60-70-х годов нельзя забывать о творчестве писателей Владимира Тендрякова (1923 - 1984) и Бориса Можаяева (1923), публикующихся с середины 50-х годов, а также более молодого Владимира Крупина (1941), произведения которого появляются в печати с 1970 года. Вышеназванных писателей сближает ряд общих черт и сходных элементов, которые попытаемся в настоящей типологической сопоставительной статье проанализировать.

1. Писатели-ровесники В. Тендряков и Б. Можаяев вступили в литературу в 50-ые годы вместе с В. Овечкиным, А. Яминым, И. Доромем, Г. Троепольским и другими прозаиками. Их внимание, сосредоточенное на проблемах деревни и управлении колхозами, выразилось в жанре оперативного художественного очерка. Без преувеличения можно в настоящее время утверждать, что Тендряков и Можаяев оставались верными публицистическому пафосу во всем своем дальнейшем творчестве.

Владимир Тендряков, уроженец северной Вологды и земляк Василия Белова, усвоил в кратчайшее время своеобразный взгляд на мир, основой которого является критический подход и бесстрашный полемический задор. Писатель постоянно интересовался наиболее важными общественными вопросами, будь то проблема школьного воспитания (роман "За бегущим днем", 1960, повесть "Ночь после выпуска", 1978, "Весенние перевертыши", 1973), проблема нравственного состояния общества ("Чрезвычайное происшествие", 1962, "Апостольская командировка", 1969, "Затмение", 1977, "Расплата", 1979, "Шестьдесят свечей", 1980) или проблемы колхозного труда и деревенской жизни со сложными взаимоотношениями людей ("Падение Ивана Чупрова", 1953, "Ненастье", 1954, "Не ко двору", 1954, "Тугой узел", 1956, "Кончина", 1958, "Поденка - век короткий", 1969, "Три мешка сорной пшеницы", 1972). Однако конфликты, решаемые Тендряковым в деревенской и колхозной среде, одновременно своей направленностью на нравственные проблемы человека выходят далеко за рамки "деревенской" прозы.

С определением В. Тендрякова, как автора "конфликтных" произведений, в которых герои отстаивают определенную этическую позицию и подвергаются нравственному испытанию,¹ можно согласиться. Так же не вызывает возражений и утверждение о том, что "В. Тендряков является писателем с обнаженной гражданской и социальной тенденциозностью своего творчества, ... прозаиком идейного искательства".²

В творчестве Тендрякова решаются действительно острые конфликты и имеется здесь бескомпромиссное отношение ко злу. Писатель сосредоточил свое внимание на гражданской и личной совести человека. С этой точки зрения значительны произведения "Ухабы" (1956), "Тройка, семерка, туз" (1968), "Суд" (1961) и "Находка" (1968), в которых герои судимы собственной совестью, по словам одного из тендряковских героев: "Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести...". Эти слова говорит Семен Тетерин, всю жизнь честный и мужественный человек, в решающий момент изменивший себе (повесть "Суд").

Для В. Тендрякова важны крайние, пограничные ситуации, в которых проверяет своих героев на их гражданскую совесть, мужество и честность, что критика даже упрекала его в схематизме.³

Борис Можаев начал свою литературную деятельность на Дальнем Востоке. С 1954 года, когда он стал после демобилизации журналистом и несколько позже профессиональным писателем, его внимание сосредоточено исключительно на деревенской и "колхозной" проблематике, и он пишет, как и названные выше писатели-ровесники, очерки, рассказы и повести с тематикой, аналогичной Тендрякову. Действие происходит в родной Можаеву Средней России, в рязанской деревне. Назовем рассказы "Власть тайги" (1954) и "Тонкомер" (1956) и повести "Наледь" (1959) и "Саян" (1957). С самого начала его творчества заметна, по сравнению с Тендряковым, разница в степени драматизма и конфликтности произведений. Она, на наш взгляд, вытекала из того, что для Можаева стала при социальном конфликте самой важной личностью, выбивающаяся из массы. Это утверждение наглядно демонстрируют произведения 60-х и 70-х годов, когда создал Можаев в жанре сатирической повести характер умного и предпринимчивого колхозника Федора Кузькина ("Живой", 1966) и позже галерею деревенских характеров в историческом романе "Мужики и бабы" (первый том в 1978 г., второй в 1987 г.),⁴ и когда Тендряков опубликовал свою "Кончину" (1968) и цикл повестей с самой злободневной проблематикой.

Хочется подчеркнуть еще одну параллель, которую следовало бы тщательно проанализировать: близость можаевских героев к шукшинским "чудикам". Обои присущи бесстрашие, чувство правоты и активное личностное начало. Можаева, как и Шукшина, интересовала прежде всего личность. Но критика это, к сожалению, не по праву высоко ценила.

Галерея своеобразных характеров жителей русской деревни продолжается в творчестве Владимира Крупина, который развил традиции шукшинской прозы. Крупин начал свое творчество с рассказов ("Полонез Огиньского", 1970),⁵ но широко известным автором он стал только после публикации повести "Живая вода" в 1980 году. В географическом отношении связан этот писатель с сибирской Вяткой, как это видно по его произведениям, созданным в 80-ые годы, и обогащенным новыми темами и решением новых проблем. Если заострить внимание на повести "Живая вода", надо признать, что Крупин действительно встал рядом с Тендряковым и Можаевым. Оценивая повесть, В. Распутин подчеркнул злободневность повести Крупина и своевременность под-

нятых в ней вопросов: "... вопросы в повести подняты злободневные, насущно необходимые в ряду решений общих вопросов современности..."⁶ Но не столько злободневность автором избранной темы и полемическое заострение на социальные и нравственные проблемы деревни да и всего общества, сколько своеобразие личности, неповторимость характера Кирликова, как модификации русского национального характера - характера сибирского, известного из произведений Распутина и Астафьева, позволяя нам рассматривать творчество Крупина наряду с произведениями Тендрякова и Можаяева и отнести его к Василию Шукшину.

2. В области авторского выбора жанров находим у Тендрякова, Можаяева и Крупина много сходных черт. Все названные писатели выбрали себе для осуществления своих художественных замыслов прежде всего "мелкие" прозаические жанры. Роман стал в нами исследуемый период жанром редким (Тендряков: "За бегущим днем", Можаяев: "Мужики и бабы"). У Тендрякова и Можаяева отличается в 60-ые годы незначительно частотность использования отдельных жанров: Можаяев написал больше рассказов, чем Тендряков, а Тендряков создал больше повестей, которым остался верен и в 70-ые годы (исключение представляет собой роман "Покушение на миражи"), когда можаяевское творчество расширило жанровую палитру, с одной стороны, в направлении от рассказов и повестей к роману, а с другой стороны, к эссе, очерку и "полемическим заметкам" (это авторское определение из подзаголовка сборника "Запах мяты и хлеб насущный").

Жанровые искания Крупина имеют эволюционную тенденцию от рассказа к повести (обогащение жанровой палитры происходит у него в восьмидесятые годы. Сюда относятся, напр., сборник рассказов и повестей "Вербное воскресенье" - 1981, повесть "Прости, промай, ..." - 1986, а также статьи в сборниках, со-автором или составителем которых был Крупин, напр., "Меж Непрядвой и Доном", "Мы строим дом. Книга о молодой семье").

Нельзя не проанализировать композицию произведений и способ повествования. Можаяев наиболее субъективен, так как он использовал чаще повествование от первого лица. Он выступает чаще в качестве рассказчика и совсем не скрывает свой подход, свои рассуждения, мнения, он наиболее откровенен и публицистичен. Субъективность повествования усиливается в произведениях Можаяева в 70-е годы, о чем свидетельствует широкое использование автором жанров очерка, эссе и "полемических заметок". Тендряков для большинства своих произведений избрал объективное повествование от третьего лица. Если он уж выбрал форму повествования от первого лица, так это не голос автора-рассказчика, как у Можаяева, а голос героя произведения: в романе "За бегущим днем" это учитель Бирюков; в повести "Шестьдесят свежей" - отметивший 60-ую годовщину со дня рождения учитель; в "Затнении" - молодой ученый Павел. Крупинская "Живая вода" написана в форме повествования от третьего лица; усиленная субъективность проявляется в произведениях писателя с 80-х годов.

Сюжетному построению присущи в произведениях Тендрякова характерные черты ретроспекции: в начале находится результат

действия - часто смерть одного из героев (в других иногда смерть или умирание являются кульминацией) - и от нее развивается назад сюжет. Часто рефлексия героев, их воспоминания и внутренние монологи замедляют действие, и в произведении выстраивается "внутренний", то есть психологический сюжет; особенно в "Кончине" имеются характероопределяющие этюды-очерки, комплексно изображающие характеры героев и действующих лиц в их эволюции, из которой логически и убедительно вытекает мотивация их поведения. Тендрякова по праву, на наш взгляд, сравнивали с Василем Быковым, так как оба они концентрировали действие своих произведений до небольшого промежутка времени и на небольшом пространстве и, таким образом, достигали высокого напряжения и драматизма.

У Тендрякова насыщено развитие действия ("Ухабы", "Тройка, семерка, туз", "Кончина") столкновениями и коллизиями между характерами и раскрытием их рефлексии (чаще посредством авторского психологического анализа, реже - в несобственно-прямой речи). После кульминации следует открытая развязка, в которой автор заставляет самого воспринимающего читателя выводить заключения.

В произведениях Можая и Крупина действие течет хронологически. Можая выбрал для "Живого" довольно большой промежуток времени, и "радиус действия" его Федора Кузькина широк. В повести Крупина действие происходит, как и у Тендрякова, в одной деревне, и автор "втянул" в поле своего авторского внимания дальнейшие фигуры, семьи и отдельные лица, живущие по соседству с его героем Кирпиковым. Следует еще отметить, что Можая реализовал своей художественный замысел преимущественно в сюжетной области - в поступках, в поведении и во взаимодействии героя с окружающим миром, между тем как Крупин показывает своего героя прежде всего во внутренних авторских характеристиках и с помощью психологического анализа.

В. Тендряков выбирал, как правило, основой сюжета противоположные характеры. Это, напр., честный и добросовестный председатель колхоза Игнат и его мурин - карьерист Павел Мансуров ("Тугой узел"); индивидуалистский Лыков и его племянник Сергей, отстаивающий коллективные общественные интересы ("Кончина"); восприимчивый и справедливый Женя Тулупов и догматический, нечуткий к людям Божеумов ("Три мешка сорной пшеницы"). Если провести анализ изображенных Тендряковым характеров и избранных им для этого приемов и средств, то в заключение можно сказать, что писатель создал характеры, верно обусловленные эпохой, характеры достоверные и жизненные. Напр. в "Кончине" Тендряков вложил в фабулу одной ночи умирания Лыкова, когда его друзья и враги подводят итоги жизни всей деревни с зарождения землей артели-коммун и позже колхоза, реконструкцию их поступков и нередко конфликтных взаимоотношений. Основной и решающей проблемой произведения стал нескрываемый конфликт между председателем Лыковым и его племянником Сергеем; это столкновение эгоизма, мелочности и склонности к бездеятельности со стремлением к бескорыстной помощи слабым. Результатом становится ненависть Лыкова к племяннику, причем писатель наглядно и детально раскрыл напряжение между ними.

Столкновения героев не ограничиваются словесными перепалками — одна из них заканчивается даже помечинной. Во взаимоотношениях между ними мы наблюдаем усиления и ослабления напряжения до самой кульминации — до смерти Лыжова.

Необыкновенность можаевской картины яростного борца с бюрократизмом Федора Кузькина ("Живой"), который руководствовался в своей жизни здравым смыслом, в свое время раздражала литературных критиков настолько, что они откликнулись не очень объективно, напр.: "...борется Кузькин не за прогрессивную систему хозяйства, а лишь за свои "шкурные интересы" ...".⁷ Но позже та же исследовательница проанализировала в предисловии к "Собранию сочинений" Можаева этот сложный характер во многих аспектах и обратила наконец внимание и на суть конфликта, до того не отмеченного в литературе — на конфликт Кузькина с председателем Гузенковым, который "...взъелся на Кузькина из-за того, что Кузькин не пожелал стоять навтыяжку перед восседающим в лице Гузенкова "руководительством", не пожелал мириться с ханством, не пожелал поступиться самой нематериальной из ценностей: чувством человеческого достоинства...".⁸

Можаевская сатирическая повесть "Живой" сопоставлялась не раз с повестью Василия Белова "Привычное дело". Это неудивительно; обе повести возникли в то же время (1966), и даже композиционный принцип совпадает — это отдельные рассказы из жизни героев и их семей, соединенные именно характером главного героя (только в отличие от Белова в основе каждого можаевского рассказа находится определенный конфликт, коллизия или проблема; Можаев изображает своего Кузькина больше в движении, чем в раздумьях, в подробном и широком динамическом портрете, во взаимодействии с дальнейшими действующими лицами повести, на работе. Можно согласиться с Ф. Кузнецовым, что "стихией Можаева является диалог, полный сочного народного юмора, комедийных сцен с меткими мутками и ехидства...").⁹

К сожалению, критики долгое время намного положительнее ценили характер беловского Ивана Африкановича, пассивного к социальным и всяким другим жизненным проблемам. Образ можаевского активного и "конфликтного" Кузькина — настоящую личность, а не человека толпы, недооценивали.

Характер главного героя Крупина в повести "Живая вода" — извозчика лесного управления Кирпикова — и авторский сатирический подход к нему отличаются от можаевского "Живого" прежде всего тем, что писатель связывает реальную жизнь деревни с многими фантастическими сценами трагикомического характера. Кирпиков — это чудак. Автор показывает его сначала в повседневной жизни, но позже этот герой "уходит", то есть живет в подвале, ведет себе дневник, читает и по старым учебникам даже занимается земледельными работами... Параллельно развивает Крупин еще одну завязку: в другом конце деревни "хорошится" вустие бутылки Вася Зыкин и открывает источник с целебными действиями — "живую воду". Во взаимодействии с главным героем, который изучает мыслью, что в течение своей 60-летней жизни не сделал ничего особенно полезного и хорошего и что остальные люди его не уважают за то, что после его ухода из жизни ничего хорошего не останется, вступает во многих коллизиях другие действующие лица и эпизодические фигуры.

По ходу исследования избранных автором для создания Кирпикова приемов установлено нами, что наиболее употребляемым средством является прямая речь героя, динамический портрет и авторский психологический анализ. Мало применяются несобственно-прямая речь и внутренний монолог.

Траговка крупинского Кирпикова в повести "Живая вода" не проста, так как искания героя можно объяснить по-разному. Неоднозначность заключается именно в фантастических элементах повести. Только заключительный диалог Кирпикова с лесничим возвращает читателя в будничную реальность человеческой жизни.

Этим характером Крупин несомненно значительно обогатил русскую литературу 70-х годов более глубоким познанием современника, его жизни и проблем, причем сосредоточил внимание на актуальных нравственных вопросах (в отличие от можаевского "Живого" с проблематикой преимущественно социальной). Можаев привлекает читательское внимание трагикомическими гротескными положениями, в которые попадают его герои; Крупин замечателен тем, каким образом связывает реальность с фантастикой. Это позволяет ему в качественном отношении углубить изображение характера и в сопоставлении с Тендряковым и Можаевым сделать героя более необыкновенным.

3. Тендрякова, Можаева и Крупина сближает злободневность избираемой ими тематики, критический подход и полемический задор. У Тендрякова и Можаева заметна открытая публицистичность. По акценту на проблемы социальные и нравственные находится Тендряков между Можаевым и Крупиним, так как нравственная и этическая точка зрения сближает его больше с Крупиним, а социальная с Можаевым.

Обостренная конфликтность в произведениях Тендрякова ближе Крупину, чем Можаеву, который своего "Живого" создал в цепи отдельных, довольно автономных, рассказов. Крупина сближает с Можаевым сатирический подход; Можаев выбрал себе из сатирических приемов комические положения и ситуативный юмор, между тем как Крупин использовал фантастические элементы и гиперболу, посредством которых он сделал реальную жизнь своих героев необыкновенной.

Можаев наиболее субъективен своим авторским повествованием от первого лица. Его субъективность усиливается в 70-ые годы в связи с его выбором жанров (очерк, эссе, "полемические заметки"). Тендряков и Крупин предпочли авторскую объективную форму повествования от третьего лица (Крупин в произведениях от 80-х годов направляется к субъективности, что и станет предметом дальнейшего нашего исследования).

Характеры, созданные в проанализированных нами произведениях В. Тендрякова, Б. Можаева и В. Крупина, социально-психологически мотивированные, достоверные и исторические. О выборе авторских приемов создания характеров можно сказать, что у Тендрякова и Крупина в общем уравновешены средства внешней и внутренней характеристики героев. Можаев избрал себе преимущественно средства из сюжетной области и своего героя раскрыл в его поступках, поведении, прямой речи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Ср. напр. NOVOTNÝ, V.: Odpovědnost tvorby. Praha 1983, с.28. Перевод Я. Ахова.
- ² KUZNEČOV, F.: Etika a próza. Praha 1983, с. 223. Перевод Я. Ахова.
- ³ Ср. напр. КУЗНЕЦОВ, Ф.: За все в ответе. Москва 1978, с.440.
- ⁴ МОЖАЕВ, Б.: Мужики и бабы. Книга вторая. Москва 1987.
- ⁵ См. сборники рассказов: КРУПИН, В.: Зерна (1974), До вечерней звезды (1977).
- ⁶ РАСПУТИН, В.: О Родине с любовью и заботой. Роман-газета 1985, 15, с. 47-48.
- ⁷ БИЛЬЧЕК, Л.: "Вот моя деревня..." См. МОЖАЕВ, Б.: Избранные произведения в двух томах. Том первый. Москва 1982, с. 7.
- ⁸ Там же, с. 8.
- ⁹ KUZNEČOV, F.: Etika a próza. Praha 1983, с. 229. Перевод Я. Ахова.